

М.А. Тарусин
КАТАЛОНСКАЯ СИЕСТА

*ТАРУСИН Михаил Аскольдович — руководитель отдела социологических исследований
Института общественного проектирования. E-mail: mtarusin@yandex.ru*

Как хорошо ничего не делать,

А потом отдохнуть.

Испанская пословица

Град Малград

Есть такой чахлый городишко в полста милях севернее Барселоны. Бывшие рыбацкие деревушки стоят друг за дружкой вдоль берега, и нипочем не разберешь, где кончается один городок и начинается другой — все эти Sant Pol de Mar, Pineda de Mar, Tossa de Mar, Malgrad de Mar, Lioret de Mar... et set. Вы конечно бывали там, а нет — так и ну его. Домишки лепятся по горе вверх по такой круче, что жители утром на работу бегут вниз с быстротой, противной своей воле, зато вечером еле карабкаются наверх на четвереньках.

Внизу под горой узенькие улочки кривятся к морю, на верхних этажах вечно закрытые по случаю жары ставни и двери балконов, на первых — закрытые по случаю сиесты лавки. В тех, что отперты — либо засиженные мухами сувениры, либо — отмахивающиеся от мух чернявые официанты. Пешеходов нет, только пробежит машинка-коротышка, да проедет негр на велосипеде со шваброй и снова — одна жара.

Если же вам повезет увидеть местных жителей, вы отметите, что каталонцы большей частью тонки костью и мелковаты. Женщины нехороши, редко встречаются классические смуглые лица, да и то, красоту таких женщин портят тяжелые бедра и короткие ноги.

Это, конечно, сельские жители, которых туризм оторвал от земли, да рыбачества. Они говорят на своем каталонском наречии, приятность которого я не расслышал. Впрочем, видно, что народ простой, не кичливый, без восточного хамства и европейской надменной вежливости.

Днем местные мачо сидят за столиками с простывшей чашечкой кофе и смотрят все влево. Когда нечаянно вдруг появляется моложавая туристка, носы их твердо следуют по азимуту ее движения, слева направо и останавливаются в последней точке наблюдения. И остаются в таком положении, пока справа не появляется еще один подобный объект, и тогда носы медленно воротятся справа налево и застывают в первоначальном положении. Так проходят томительные часы сиесты и годы жизни.

У пляжа вдоль дороги — длинная вереница отелей, из которых выползают старики со старухами и ковыляют к самому синему морю, увязая кривыми ножками в песке, верещат визгливые дети, а белые барашки кидаются на берег сердитым прибоем.

Старички все одеты под Буратино плюс черные очки, они заглядывают в лавки, катаются на паровозике с вагончиками на манер тех, что у нас на ВДНХ, или же сидят с видом безучастным и смиренным. В кафе заказывают порядочную порцию, но едят равнодушно, хотя и долго, запивая стаканом воды, редко — бокалом красного вина.

Кстати, на кровати своей я, с некоторым недоумением, обнаружил простынку с клеенчатой основой и прокладкой. Я понял, что таким образом администрация отеля хранит своё добро от некоторых примет старости. Впрочем, на третий день, видимо, обнаружив, что я не пользуюсь этим «памперсом» по назначению, мне заменили её на обычную простыню.

Старичье европейское, хоть и конфузится ночью, днем записывается на все экскурсии, часами молча плетется за гидом, терпеливо слушая его тарабарщину, а вечером, за ужином спрашивает друг у друга: «А это как называлось, где мы сегодня были?». Даже если сосед вспомнит и скажет (а вернее — посмотрит в бумажке, где записал для себя), то сказанное тут же забудется за ненужностью.

От этой жизни я уже было и сам приятно заклевал носом, как вдруг — грохнуло! Бабахнуло!! Ухнуло!!! Взвыла фальшивая труба, взревел контрабас — и толпы возбужденного народа вдруг высыпали на приморские улочки. Сиеста кончилась, наступил вечер.

Кармен и карменситы

Вдоль по улице бодро шагал оркестр в красной униформе, наперерез ему из переулка вымаршировал еще один в голубых кителях, у отеля уже стоял третий — в зеленых мундирах, и все они что есть мочи дули в свои духовые! А барабанщики от души лупили по свиной коже, а дирижеры отчаянно махали руками, а полицаи спешно перекрывали движение.

Девушки в коротких юбочках и гусарских шапках подкидывали и ловили жезлы, народ повалил из отелей, щелкая мыльницами, и праздник закрутил свою карусель.

Замечу, что было это в субботу. Когда в воскресенье после пяти всё началось снова, я еще был не против, но когда и в понедельник вечером оркестры-оккупанты снова загрохотали под окнами, это было уже явно лишним. И каждый вечер возле набережной появлялись девочки лет 12-13, одетые во все облегающее и вызывающе открытое. Их жесты и движения копировали взрослых дам полусвета, улыбки были уверенными, а твердый взгляд — с прищуром. Нет, они ничем не торговали, просто местная молодежь, но все равно эти стайки выглядели страшно, и холодок пробежал в груди.

Зато здесь я увидел самую настоящую Кармен.

Идучи среди грохота по набережной, я заметил слева на площади толпу народа. Под оркестр десятка три юношей и девушек в круге маршировали с флагами и жезлами. Заправляла всем плотная девица с властным взглядом огромных черных глаз и тяжелой копной волос, скрученных в хвост на плече. На шнурке у нее висел свисток, которым она отрывистыми трелями подавала команды всей группе танцоров и жонглеров.

Лицо ее притягивало тяжелой красотой, надменностью и внутренней страстью.

Барабаны гремели.

Все двигались в одном темпе с этим ритмом, на ходу (трель свистка) выделявая сложные упражнения с большими голубыми флагами.

Кармен сначала управлялась с девушками. Они вертели жезлами, кидали их вверх и ловко ловили, делали сальто, шпагат — все под ее горящим взглядом удава.

Барабаны грохотали.

Вперед вышли юноши. Они крутили над головой флагами, как-то вдруг скрутив вокруг древка полотнище, подкидывали резко вверх, и флаги взмывали метров на десять, в верхней точке распускали крылья и падали вниз древком, точно в руку танцора. Все это время худые темные юноши неотрывно смотрели на свою Кармен, а та — на них.

Грохот барабанов усилился.

В круг стали по очереди выходить парни. Сделав свой особый трюк с флагом, каждый кланялся низко Кармен, и она чуть заметно кивала, после чего выходил следующий и делал все быстрее и искуснее и кланялся ей ниже и почтительнее.

Наконец в круг вышла сама Кармен.

Она крутила сальто, выше всех кидала свой жезл, яростно садилась на шпагат под ритмичный грохот с лицом злым и решительным.

Но вот она закончила, двое юношей подхватили ее на руки, и она, победно вскинув руки вверх, вдруг просияла ослепительной улыбкой.

Оркестр заиграл бравурный марш, все участники пустились в пляс, прихватывая по пути зрителей. Несколько раз мимо меня проносилась Кармен, улыбаясь по-детски восторженно и счастливо. Её окружали парни с бараньими глазами, но потом она исчезла в танцующей толпе, и больше я её не видел. Видно, какой-то удачливый Хосе мигом умчал на скакуне ее разгоряченное, готовое для любви тело.

Каррамба, коррида!

Сбежав под ночь в свой отель от этого бардака, затворив все окна и задернув шторы, открыв пакет с соком, который оказался местным вином «Сангрией», добавив туда водки, я лег на кровать, включил телевизор и был вознагражден двумя часами настоящей испанской корриды.

Ее здесь показывают, как у нас футбол, и тон комментатора говорил, что эта коррида самая обычная и никакая не решающая. Но нам, варварам, и такая сойдет.

А какая? А вот какая — длится каждая коррида полтора часа чистого времени, и за это время заваливают шесть быков, т.е. по четверть часа на каждого. И на каждого торо, сиречь быка — свой матадор, иначе тореро. Понятия тореадор в Испании просто нет, это напутали безмозглые европейцы. Правильно говорить — матадор, в крайнем случае — тореро, что можно фамильярно перевести, как бычарь (поскольку торо — бык).

Кстати, дело это никакое не испанское, а досталось им в наследство от бездушного Рима, который понатыкал своих арен по всей Европе, а сохранилось живьем только тут, как исторический атавизм.

Но вернемся на корриду. Мне думается, быка долго щипают, пинают и строят ему рожи, прежде чем выпустить, потому что выскакивает на арену он злой, как черт и озирается, кому бы вломить. Но быстро успокаивается, обнаруживая нрав незлопамятный и отходчивый.

Не тут-то было. Коварный матадор тут же вонзает бедолаге между лопаток мулето рохо (muetto rojo) — в самое, между прочем, болезненное место. Целая банда бандерьеро проделывает то же самое и выглядит это некрасиво. Если бы вас толпа сорванцов с улюлюканьем колола бы булавками — вы удержались бы, чтоб не надавать им пинков? Вот и бык тоже не ангел.

Кстати — испанцы уверяют, что уже несколько веков выводят особую породу наиболее свирепых и хитрых бычар, но это явная брехня. Во-первых, все быки, что выскакивали на арену, были невероятно тупыми. Только идиот может кидаться на кусок тряпки, когда ближе некуда стоит сукин сын и этой тряпкой машет. Во-вторых, бык всё пытался стоять спокойно и кидался только когда уж совсем доставали — какая ж это свирепость? И потом — проделав очередной финт с плащом, матадор в наглую поворачивался спиной и не спеша, своей вихляющей петушиной походкой хилял, помахивая трибунам. Вот он момент — прямо в наглый зад, вот же он, в одном прыжке! Нет, этот флегматик стоит и смотрит вслед удаляющимся ягодицам. Это как понять?

Редко когда удается быку то, к чему его настойчиво склоняют — дать рогом в бок нахалу, но мне повезло. Очередной бугай лихо подкинул обидчика рогом за ляжку, да потом еще раз — с земли!

На трибунах камера показывала элегантных дам, которые дружно охали, прижимая холёные пальчики к алым губкам, наверно так же, как знатные римлянки двадцать веков тому

назад. Тореро, отдадим ему должное, свое дело продолжил, хотя кровь и заливала его розовую расшитую штанину, но шпагу в загривок с первого раза воткнул точно. Уходил он, слегка хромя и провожаемый свистом, не знаю, знак одобрения это был или порицания.

Замечу, что шпагой тыкают уже тогда, когда бык порядочно исколот желто-красными бандерильями, да и пикадор своей пикой вдоволь в нем наковырялся — чувствуется, что силы бык теряет быстро и в конце далеко не тот, что вначале.

К тому же у тореро и в физиономии и во всех движениях сквозит высокомерие, чего совсем нет у быка. Он просто отбрыкивается от хама как умеет (а умеет не очень), да быстро тупеет от мельтешения народа перед мордой и боли в спине. При этом надо помнить, что бык будет завален всегда, а человек — в одном случае из тысячи. Жертву всегда жалко.

Барса

Наутро в холле отеля я изучал предложения по экскурсиям и чуть было не уехал в «Порт Аventura», полагая встретить там корабли и парусники, но вовремя сунулся в путеводитель, где к неудовольствию своему прочел: «Аттракционы — тысячи эмоций! Вы хотите упасть с высоты 100 метров на скорости 120 км. в час? Вперед! Выброс адреналина обеспечен!».

Думаю, в такой ситуации, помимо адреналина, запросто можно добиться выброса и всего остального, чем богат человеческий желудок. Как говорил герой Гоголя: «Ну, уж об этом пусть печётся кто другой». И я отправился в Барселону.

По Парижу можно ходить. По Лондону *нужно* ходить. По Барселоне желательно только ездить, это именно жилой город, и коллекционерам достопримечательностей здесь тяжело — рысью час в один конец, галопом два в другой и на финише обязательно попадешь на Гауди. Но о нем после.

Сам город сер и каменист, с обязательными решетками балконов, чем сильно смахивает на Париж. Каталония вообще, как наиболее приближенная к Франции, всегда находилась под ее сомнительным влиянием.

Конечно, тут есть колонна Колумба (копия колонны Нельсона), Каталонская площадь (список Трафальгара), фонтаны, дворец королей, да еврейская гора, где когда-то сыны

Израиля хоронили своих. После исхода из Испании кладбище заглохло, а сейчас тут смотровая площадка, с которой можно смотреть на серый, в дымке город, где вдали, вместо Эйфелевой башни торчат пики собора Святой Фамилии.

Кстати, еврейская гора мне подгадила, так как автобус, на котором я туда ехал, сломался на круче и встал мордой вверх, а я, сидя, словно космонавт в ракете, гадал, крепки ли у нее тормоза.

Но вернемся в город. Центр его подчинен трем действиям — трапезничать, покупать и газеть.

Рестораны и забегаловки всех сортов и манер каждые пять шагов, а там сидят нахальные физиономии и всё время жуют. Через час смотреть на это невыносимо. Я завернул в узкий каменный проулок, и чернявый парень почтительно изогнулся, приглашая меня в свою пустую харчевню.

— Хрен с тобой — сказал я — корми.

За витриной громоздились горы ракушек и другой морской дряни, на прилавке — ряды бутылок, и через минуту я, как и все прочие, тупо пожирал моллюсков и пил кислятину каталонского разлива. На 58-й ракушке я вспотел и приуныл.

— Знаешь что — сказал я хозяину — дай-ка мне вон те колбаски пожирнее, да налей стакан портвейну.

Утвердившись оными и чувствуя тяжелое оупение, я вышел вон, захаживать в барселонские магазины.

Товар в этом городе, я вам скажу — барахло. И нехорош и дорог. В больших магазинах цены кусаются, в лавках поплоче — нет ничего. Я всё Москву ругал, но Барселона ей в этом отношении — родная сестра.

Что же остается? Газеть. Но газеть почти не на что и не на кого, каталонцев в городе не увидишь, по улицам они не ходят, а в метро сам лезть не захочешь. Впрочем, на одной улице я увидел живописную картину — толпу тощих негров, каждый из которых тащил на плече здоровенный мешок, очевидно — «всё своё». Спереди и сзади шли два полица, препровождая эту толпу лениво и с явным неудовольствием. Об этом характерной для сегодняшней Испании картине стоит сказать особо.

Незванные гости

Люди старшего поколения помнят советские плакаты 60-х — африканский негр, обуянный классовым гневом, рвёт на себе тяжелые колониальные цепи. За цепи в отчаянии ухватились коротенькие жирные буржуи с огрызком сигары и колониальном шлемом на лысине. Цепи-то негры с тех пор благополучно порвали, а вот классовый гнев остался. Причем не только к буржуйам, а вообще ко всем, кто живёт лучше их самих. А таковых оказалось почти всё человечество.

Гнев, кстати, требует выхода, и вот уже полвека народы Африки вымещают его друг на друге и, по случаю, на тех представителях обеспеченного человечества, которые к ним периодически заходят по разным делам. Выход гнева отымает много калорий и крайне экономически неэффективен, поэтому еды в Африке мало. И самые смекалистые давно поняли, что, скажем, в Европе ситуация с едой намного лучше и постепенно начали туда просачиваться в поисках лучшей доли.

На беду первой от Африки Европой оказалась Испания. Целеустремленные афроафриканцы последние годы буквально затопили черной волной ее побережье и острова. Испанцы сперва оторопели, потом впали в панику (они вообще народ стрессонеустойчивый) и, простирая руки к Евросоюзу, потребовали помощи в борьбе с неожиданным цунами.

Тем более что достигали берегов обетованных сыны черного континента в самом жалком виде, и их требовалось интенсивно приводить в относительно пристойный вид, что отнимало много средств и сил.

— Оградите нас от этого — потребовала Испания, указуя на визитеров Евросоюзу — давайте вместе их как-нибудь того, обратно...

— Ах, что вы! — жеманясь, сказала Европа — мы же еврочеловеки! У нас же права человека! Они, пусть, и не очень евро, но всё же, как же?! Права же!

— Но ведь они лезут! — настаивали испанцы — вон уже сколько! И всё новые вылезают, страшные ведь очень!

Европа, взглянув на пришельцев, непохожих на «витязей прекрасных, что из вод выходят ясных», ответила:

— Оно так, но всё же, как же — права же!

Говорят, особо иезуитствовали французы, которым уже давно было обидно, что «друг на друга похожие» оккупировали страну гальского петуха и что, наконец-то, не они одни страдают.

Сейчас вопрос решается в Европарламенте, где бюрократия такая, что никакому российскому чиновнику в самых сладких снах не снилась. А солнцем палимые всё перетекают, наполняя собой лагеря для интернированных, живя там месяцами и выражая справедливый протест своим бесправным положением, требуя европейских прав, харчей и разносолов.

Видимо, таких я и увидел на улице Барселоны по пути к творениям чудного старика, умершего нищим под трамваем — к творениям великого Антонио Гауди.

Странные испанцы

На рубеже двух прошлых веков в Испании появились несколько очень странных гениев. Дали, Пикассо, Гауди — ни до них, ни после ничего похожего нигде замечено не было, да и в самой Испании объяснения этому явлению нет до сих пор.

Века Великой Инквизиции, напомним, закончились в середине XIX столетия. Может, появление этих самородков — результат исторической генетики? Или просто ребячья реакция на плоский и животво-страстный быт испанской культуры? Тоже ведь недаром — тут «Татьяны милый идеал», а там Кармен — воровка и уличная девка?

Но, возможно, что-то прозрели в грядущем веке эти творцы и, каждый по-своему, пытались рассказать миру о своих наитиях?

При всей несхожести Дали, Пикассо и Гауди в их творчестве видно общее — это распадающийся Божий мир, мир, теряющий свою тварную форму. Рвущиеся связи смысла и — начало, зарождение нового хаоса — мира, существующего без нравственного закона.

У Дали это проявилось в абсурдном сочетании невозможного, в отсутствии гармонии на холсте и — в эпатажной фиглярности собственной жизни.

При том, что он был прекрасным рисовальщиком и как-то, на спор, создал маслом классический сюжет, добавив, правда, что «так уже никогда не будет» (чем не Малевич, объявивший, что «искусство умерло» после своего «квадрата»?).

Пикассо, мужлан от холста, напротив, рисовать никогда не умел. Да и не считал это нужным. А зачем, если все скоро и так станут вот именно такими изломанными и бездушными уродами? Их-то он рисует правильно — как видит изнутри (недавно оценили: «Дора Маар с кошкой» за 92 млн. — а?)

Да, он их видел верно, именно такими становятся люди, отвернувшиеся от Бога, так выглядит их внутренний мир — как тело после автомобильной катастрофы.

Но может ли сам гений сознавать, что творит, какие покровы приподымает? Думаю, не всегда. Если уж эстет и интеллигент Блок бормотал какую-то дичь о «музыке революции» и сам мало что понял в своей же симфонии, то куда темному испанскому лаптю Пабло? Вот гвоздь, вот подкова, раз, два — и готово!

Но не таков был Антонио Гауди.

И не потому, что избрал иную стезю — тоже рисовал неплохо. Но в разрушающемся мире он изначально искал КРАСОТУ, искал радость и смысл! Он не был ни рефлектирующим шутком, ни маляром-мачо, он был честен и наивен.

Вот она — его музыка, открытая всем. Ходи, смотри, слушай.

А то и живи в ней.

Гений Гауди

Странное, понимаете ли, дело. Если молодому Гауди еще удавалось скрепить камнем твердые прямые линии, то стоило мастеру помудреть, как линии начали расплываться. Фасады его зданий вдруг стали расплзаться, как протаявший студень. Словно в начале распада, растворения сущего живет его архитектура.

Недаром благополучный Кампе — заказчик дома на Грасиа, наотрез отказался там жить — что-то сильно растревожило его немудрое нутро, а прочие барселонцы обозвали дом «паштетом».

Откуда им было знать, что Гауди внутренне метался. Он не хотел распада мира. В поисках твердых форм он то кидается к чистой готике, то улетает мыслями в детство, но детство оборачиваются фарсом «пряничного домика», а готика — почти анекдотом.

Но вдруг откуда-то появляется дракон. И становится каким-то наваждением архитектора. Драконы у него везде — в решётке ворот усадьбы Гуэль, в очертаниях крыши дома Батло, в интерьерах его парка, на террасе дома «каменоломня»...

И только на фасаде дома Ботинес дракон повержен святым Георгием — но это лишь 1891 год. Позже дракон оживает, и уже никто не смеет грозить ему копьём. Мало того — он торжественно восседает на фасаде собора Святого Семейства — на том, что является делом всей жизни Антонио Гауди.

Биографы Гауди, уцепившись за его термин: «органическая конструкция», по сей день хором утверждают, что творчество архитектора берет своим началом природу — и на том успокаиваются.

Но это только техника, художественный прием и форма. Разве смысл, вложенный в форму, не первичнее? «Как тело больше одежды»?

Мне Гауди искренне симпатичен, и об истинной глубине его трагедии я могу только догадываться. Почему в 1914 году он навсегда отказался от заказов, бросил всё и поселился на стройке собора, посвятив этому всю свою оставшуюся жизнь, работая как одержимый и ведя жизнь нищего?

Красоты он хотел.

Красоты и искупления для этого мира, подобного расползающемуся студню. Надо было ему, чтоб взметнулась вверх твердыня, осмысленная, как последняя надежда на Бога и жизнь по правде.

Оттого всё остальное потеряло для него смысл, все эти «размытые» фасады, «пряничные» домики — это был лишь поиск.

Но только не дракон.

Зияющая вершина маэстро

Не ходите, читатель, к собору Сангра Фамилия, как не хотел идти я, смутно подозревая то, в чём боялся убедиться. Не смотрите на последнюю трагедию великого Гауди. Потому что, когда вы подойдете близко, перед вами во всем великолепии предстанет недостроенный Замок Дракона.

Сам Дракон во множестве изваяний прилепился к стенам своего замка, раскрыв пасть и извиваясь, он спускается вниз, к людям. Ночью черный замок изнутри подсвечивается ядовитым зеленым светом, таким, какими и должны быть во тьме глаза дракона. Дракона, который одолел, убил своего Мастера.

«Дом мой дом молитвы наречется» — сказал Господь.

Но ослепленный Гауди строил не дом Молитвы, он строил дом Гауди. Он слишком поверил в себя, в свою страсть, в свой гений и уже не замечал своего дракона гордыни.

И он привел его, нищего старика, к катастрофе — он изваял своего последнего дракона.

Господь прервал его тщетный труд — сбитый трамваем, он три дня, как бродяга, пролежал в морге, никем не признанный, и был похоронен за казенный счет.

Стройка остановилась и долго стояла опустевшей, оставленная людьми и Всевышним. Потом сгорели все его эскизы и макеты, которые он оберегал, как зеницу ока.

Но сегодня люди вернулись, и высокие краны вновь делают свое дело — дом дракона достраивается, и ходят вокруг него толпы зевак со всего мира, глазуют, но не замечают ни треугольника над входом, ни магического квадрата, ни других примет хозяина этого замка.

Говорят, управятся к 2026 году — к столетию со дня смерти Гауди.

Он сам похоронен внутри, я туда не заходил, те, кто был, говорят — оторопь берет.

Справка

Антонио Гауди родился в 1852-м году, был пятым ребенком в семье. Младшие братья его умерли в возрасте 4-х и 2-х лет. Старший брат умер, едва получив диплом врача, в 1876 году. Сестра Роза скончалась в 1879-м, оставив Антонио свою дочь. Мать умерла ранее, отец — в 1906 году. Дочь сестры умерла в 1912 году, дожив до 36 лет.

Сам Гауди с детства был болен и ограничен в движениях.

Принимал участие в антиклерикальных кружках.

Всю жизнь прожил холостым.

Умер 7 июля 1926 год.

Каталонская кухня

Н-да. Ну, ладно. Предоставим мертвым хоронить своих мертвецов, а сами вернемся к живым. А живым надо есть. И желательно — с удовольствием. А потому — обратимся к каталонской кухне, которая, как любая другая, имеет свои пригорки и ручейки.

Хочу заметить, что значение кухни в Европе сильно преувеличено.

— Это что?

— О-о-о! Это — о-о-о! Это местное, провинции Тарарас! Попробуйте!

Взял в рот — фасоль с какой-то фигнёй.

— Да, но это же с XI века! А вот это только здесь делают. Вот этот самый Педро — он остался последний! Он умрет — никто так не сможет.

Взял в рот — засыпай спокойно, дорогой Педро.

— А вот уникальный сыр! Вот его сюда макнуть, повертеть вот так, стряхнуть, потом вот сюда, прижать, вот так и.... в рот!

— Ну...да...гм!

— А вот этим, вот этим запейте. Это так полагается с этим сыром!

— Да?... ох, вот это вы уже зря....

Кстати, рыбы, как я, было, решил, там почти нет, а та, что мне давали, никуда не годится. Жить на море и не уметь сделать рыбу? Впрочем, здесь её осталось мало, а та сардинка, что есть — чего с ней не твори, лобстером не станет.

Но — спорить не буду, баранина в Каталонии хороша. Мясо нежное, молодое, видно, что никому в голову не приходит его морозить, приготовлено умело, с любовью и очень по-разному. Всё хорошо — и цельным куском, и на кости, и на рёбрышках, в разных гарнирах и соусах. Баранину подают везде, в дорогих ресторанах два кусочка за 15 евро, в простых харчевнях навалят целую гору за 3 евро, да еще и добавки дадут за ту же цену.

Вот, кстати, рекомендую рецепт для лентяев. Филе один кило обкладывают на противне двумя кило соли. Соль должна быть крупно-зернистая, чем крупнее, тем лучше. В духовку при 210 градусах на полчаса — и вся недолга. Отменное мясо!

Кстати, обслуживание что в дорогих кабаках, что в придорожных везде одно — раздолбайское. Мой приятель сначала наказыывал вялой дивчине по пунктам, внушительно всё повторив по два раза, та послушно записала, но он не уgomонился и, к моему удивлению, всё время покрикивал из-за столика:

— Коньяк еще! Воду минеральную! С газом, с газом! Да колбаски принеси!

Каждый раз та удивленно подымала бровь, послушно кивала, но всё же половину принесла не то, что нужно.

Очаровательнее поступил на моих глазах халдей в элитном ресторане (для справки: Pomarada, Barcelona, Paseig de Gracia 78, Principal. www.pomarada.com).

Длинный и тощий, во всем черном, он нес три блюда, и верхнее стало съезжать ему на живот, которым он, выпятив, поддержал тарелку, любовно прижав к рубашке всё ее содержимое. В таком виде он прошел через зал, отлепил от себя тарелку и поставил на служебный столик, обернулся — не видел ли клиент метода доставки (тот охмурил бабцу и ничего не заметил). Потом пальцами художественно поправил положение съехавшей котлеты, тем же методом придал фасоли живописный вид, вынул из кармана платок, которым оттер пролившийся соус с краев блюда. Смахнул с рубашки прилипший соус туда же (не пропадать же добру!) и понес всё это клиенту.

Высоким дизайном он занимался спокойно, у меня на глазах, полагая, очевидно, что мне-то какое дело до чужих котлет. А тот — нехай жрет, чего не видит глаз, не чувствует желудок.

— Десерто! — громко и торжественно возгласил тут шеф-повар, оказавшись у нашего столика. Ему торжественно прикатали жаровню, он пытался её зажечь, но не сумел. Фокус не удался. Прикатали вторую жаровню, с ней та же история. Газ оказался в третьей. Всё это время повар выражал всей фигурой величественную статью не ниже генерала Франко.

На горелке раскалили сковороду, и Франко сыпанул туда сахару, помешивая с видом значительным и таинственным. Погодя, влил туда коньяка, потом рома, потом виски (!), после еще и сливок и, сунув брови, долго мешал, добиваясь тонкой кондиции. Прошло 20 минут. Он еще сыпал что-то, сбивал вспыхивающий огонь и, наконец, вылил содержимое на тарелку, кинув туда же шарик мороженого и снова торжественно возгласил:

— Десерто!

На вкус — липкая сладкая бурда с мороженым. Но каков Дали!

Оливки да хлеб — всему голова

У любого народа в еде должен быть стержень. У испанцев их два — тот же хлеб, что и у нас, но еще и непременно оливки.

Хлеба там много, но только белого или же серого, всё с разными примесями — тмином, маком, отрубями, специями, чуть не с соломой, но всё отменно мягкое и вкусное. И что же они с этим хлебом творят! Никому и в голову не придёт есть его в натуральном виде. Чаше берут ломтик, суют его в тостер и, пока не сожгут, не вынимают. В толк не возьму, как они грызут эти почерневшие останки — разве челюсти на пружинах. Я раз вкусил — треск во всей голове, и дёсны царапает. А они еще мажут сверху маргарин, и хруст стоит на весь кабак. И всё это от дурости — мягкий хлеб вредно, а с маслом — еще вреднее.

Еще забавнее они едят, к примеру, бутерброд. Вот сидит такой седой дон, перед ним хлеб с ветчиной на тарелке. Что он делает? Берет нож и вилку, отрезает маленький кусочек и

кладет в рот. Жует и снова режет. Я сидел напротив и ел сэндвич с руки, поглядывая на него, но он был невозмутим.

В почете и обычай портить хлеб другим манером. Небольшие ломтики пропитываются томатным соусом с чесноком и специями, после чего вся тарелка обильно поливается оливковым маслом и подается вам. Возьмите такой ломтик и вытирайте потом пальцы салфеткой полчаса. Вообще, маслом этим поливают всё, что ни попадя, с поводом и без, при том что особого смысла я в нём не понял — масло и масло.

Зато я согласился с тягой каталонцев к оливкам. Их подают к столу, только вы сели и ничего еще не заказали — для аппетита. Оливки сочные и крупные, разной степени ядерности, из которых мне понравилась те, которые можно было бы назвать «язви его душу». Бодрят и гастрономические мысли в голове производят. Что и нужно для составления плана обеда.

А обед, чтоб вы знали — центральная часть сиесты, а сиеста — центр, стержень жизни, Рубикон между жизнью по долгу и жизнью по воле. Фактически с сиесты и начинается для испанца жизнь. С хлеба, пропитанного ароматным маслом и с пряных оливок, олицетворяющих начало свободы и беспечности.

То есть всего того, ради чего только и стоит жить беззаботной испанской душе!

По блату без конверта

В Испании не дают взятку. Не принято как-то. Не сложилось. Оттого здесь решающую роль играют отношения. Очень хорошие отношения. По знакомству вся страна ищет работу, делает бизнес, карьеру, женится и умирает, наверное, тоже. Оттого дружба — это и веление души и жизненная необходимость. Встречаясь, два испанца выражают крайний восторг и тискают друг друга как Чичиков с Маниловым, до ночи сидят в кабаке, и оба совершенно искренни. А ежели понадобится — по своей линии сделают друг для друга все без очереди и со скидкой, да и букву закона не заметят. А поскольку в этой нежнейшей дружбе повязана вся страна, то жизнь так и идет — с объятьями, посиделками и — между прочим — деланием дела, но не напрягаясь и не торопясь.

В солидной адвокатской конторе, куда я попал по случаю, нас встретил с радостным видом сам хозяин, маленький лысоватый сеньор и долго, под взрывы хохота, рассказывал

анекдоты. Когда, через полчаса, мы, посмеиваясь, в прекрасном настроении покидали его роскошный офис, я вдруг понял, что дело сделалось как-то само собой и без всякого напряжения. До этого, замечу кстати, мы два часа сидели в ресторации (сиеста!) и пришли в контору довольно навеселе, что было вполне в порядке вещей.

В Москве такая же процедура стоила бы изнурительной волокиты, больших денег, а главное — взаимной подозрительности и нелюбви. Учитесь, отечественные мздоимцы и стяжатели — в жизни должна быть радость.

На улице, по выходе от веселого адвоката мой приятель испанец тут же вспомнил, что через квартал содержит кабака еще один его лучший друг и что он мечтает нас угостить, и мы потащились по вечерней Барселоне к этому другу. Хозяин кабака выбежал нам навстречу, лица светились счастьем. Снова объятья, посиделки за столиком прямо на улице, среди снующей толпы и блеска огней. Я уже начал одуревать от этой бесконечной дружбы, для всеобщих хороших отношений тоже, как видно, нужна привычка и закалка.

Но бывают и проколы.

В одной провинции (то ли Аликанте, то ли Малага) вдруг посадили мэра и заодно аж двести чиновников. Они распродали все земли в округе, что делать нехорошо. Полиция всё знала и давно за ними следила, но сделать ничего не могла, поскольку всеобщая дружба цементировала эти аферы крепче цемента. Но всё же нашелся один, предавший самое святое — дружбу, и дал показания на всю компашку. В семье не без урода.

Впрочем, население Испании тоже сокращается, и сегодня коренные жители составляют только 80%, а к середине века, говорят, сократится до 70%. Традиции постепенно будут отмирать, потому что и цыгане, и румыны, и непрошенные африканские гости так дружить не умеют и не хотят.

Грустно, доны!

Эчо мас!

Или — «наливай»!

В баре парень с бабочкой поглядел на меня, и я сказал:

— Я думаю.

Он понимающе наклонил голову.

— Знаешь что — сказал я, подумав — налей-ка мне вот той хрени и сверху добавь вот этой.

Бармен просто поставил передо мной высокий стакан и начал лить, сказавши:

— Скажите, когда хватит.

Я, привыкший к мерным мензуркам наших широт, был удивлен и потом спросил его, как он знает, сколько налил. Он пожал плечами с видом пренебрежительным и, при расчете, сильно ошибся в мою пользу, посчитав всё в 100 грамм, хотя было не меньше 150, а пойло — дорогое.

Другой раз мы сидели в ресторации, и я спросил водки, грамм 300. Халдей притащил бутылку «Абсолюта» в 700, где недоставало грамм 100.

— Много — сказал я.

— Сколько выпьете, остальное унесу — сказал он, и излишне говорить, что мы с Хосе уговорили ее за полчаса. При расчете официант поинтересовался сколько у нас было «дриньков»? Такой мерой — рюмка в 50 грамм — они производят расчет. Хосе, не моргнув глазом сказал, что четыре, и официант, кивнув, столько и записал, хотя было их не меньше десяти.

Я всё это к чему?

А к тому, что отношение к спиртному в этой стране самое пренебрежительное. Вино здесь всегда было дешевле воды, с которой до сих пор проблемы, и отношение к вину соответствующее. Даже когда вошел в быт дорогой алкоголь, испанцы не сочли это поводом, чтоб менять свои привычки, и все, что крепче 6 градусов, разливают на глаз, по старинке, считая ниже своего достоинства мерить граммы рисками на стекле — противно это широкой душе испанской!

В магазинах стоят бочки в ряд и тут же — стаканы. Подходи и пробуй хоть из всех сорока подряд, хоть до самого раскоряченного состояния, только спасибо скажут. А чего его жалеть — по 80 центов за литр? Да хоть и по 80 евро будет — пей, друг, жизнь коротка!

Сами испанцы пьют с юности до смерти каждый день, оттого вся страна живет несколько набекрень, что вполне объясняет их легкое отношение ко всему существу.

Впрочем, я заметил, что по эфирному ящику там каждый день втолковывают простые «семейные ценности». Причем без наших закидонов, когда светило со звездой общаются на кухне и главное — их светское сияние, а что они там накошеварили — вопрос десятый. Нет, здесь повар профессионал занудной скороговоркой всё вам объяснит, покажет, затвердит, но уж это блюдо потом дурак не сготовит.

На другом канале садовник так же обстоятельно работает тяпкой, окучивает, поливает, рыхлит огород, тараторя при этом без умолку. И это не огород великого политика — это просто огород и ничего больше.

На третьем канале мастеровитый хозяин квартиры прикручивает да привинчивает и тоже трещит без остановки. При том все они бодры и веселы, даже мамы, пеленающие дико орущих младенцев (новый канал). Так что испанцы народ спокойный и домашний.

Но если очень прижмет — могут упереться, как никто другой. Кто уперся в то время, когда Наполеон подмял все народы Европы и монархи стояли в очередь, чтоб ручку ему поцеловать? Правильно, только русские и испанцы. И ничего он сделать не смог ни с русским мужиком, ни с испанским, и наши бабы дрались с французами, и синьоры травили их, предварительно скормив яд своим детям.

Но это край.

А так — сиеста, синьоры.

И вот этот испанский национальный пофигизм как-то мне что-то напоминает родное. Так что, эчо мас, ребята! Наливай.

Каталония, октябрь 2006